

ПЕСНЯ О ГОЦЕ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

Течет река к морю, идет год за годом. Каждый год зеленеет к весне серый лес над Днестром и Реутом.

Сто лет назад весна было не хуже, но правды на земле было еще меньше. Владели Молдавией стамбульские турки, на престол молдавский сажали господарями греков. Господарь жил султаном, боер, помещик, - господарем, а податной, сардарь - как господарь и боер вместе. За народ и за Христову правду стояли одни гоцы.

Посмотри, говорят в народе, посмотри в темноту за реку, если доведется тебе ехать по берегу ночью: ты увидишь скалы, черную пещеру в их обрыве, а в пещере - груды тлеющего жара. Но то не жар, не угли, а червонные старые деньги. Вход в пещеру узок, с каменным порогом. У стены палево - каменный дымник, у стены направо - каменное ложе. А над ложем ниши: в них когда-то стояли снятые иконы. И над каждой нишей вбит костыль из железа: на тех костылях теплились перед иконами лампы. Золото насыпано на полу посередине: не все успел раздать бедным гоц-войник, что жил в этой древней келье, до него служившей приютом святому божьему человеку. Верный конь гоца пасся на речном побережье. А самого гоца, - пусть радуется господь, его грешную душу! - носили на отдых в пещеру орлы на широких крыльях.

Был тот год не талгарь, не разбойник: конокрадам-фараонам ломал ноги, грабил одних богатых, из добычи оставлял себе сотую долю, остальное раздавал неимущим, убивал, только защищаясь, в среду и пятницу постился. Знаешь, какой наряд носил он? А такой, что любой пастух носит: ступни в свиной коже, шаровары и рубаха из холстины, за поясом нож, пистолы, плоска, - по-господски, фляга, - на голове баранья шапка, на плечах просторная манта из овечьей шерсти, за плечами - карабин короткий. А сам он был статен, как тополь, и, как дуб, крепок, силен, как волк, скор, как мысли, горяч, как любовь к милой, верен, как смерть, с бедным щедр и ласков, с властным - беспощаден; высоки, покаты были его плечи, широка, волосата грудь, топка талия, усы русы, длинные, лицо - словно золото с бронзой, глаза - огонь ясный.

На десятый год своих подвигов пошел гоц в святую ночь помолиться в божьей церкви.

Он убил пятнадцать греков, - ты ведь их знаешь: положи в давящую десять турок, десять жидов некрещеных да десять собак паршивых, - потечет кровь грека; он ограбил тридцать сардарей, - они были богаче самого князя, снимали на подать крест и рубаху; он поймал в лесу и подковал конской подковой исправника-турка; он сложил сто двадцать песен, выпил вина сорок бочек, танцевал и в корчмах и на свадьбах; у него был конь рыжий, быстрый, как ветер, умный, как лисица, никогда не хромавший, никогда не потевший, даром что малый и дробный. Девять лет не был гоц в церкви, хоть и думал о боге не меньше нас с тобою, на десятый год собрался - и дал себе крепкую клятву: что бы ни случилось, никого в эту ночь не обидеть, будь то хоть сам дьявол.

Он оставил коня в поле, кинул на луку поводья, а сам пошел по деревне. Шел он и видел огни в хатах, убранные столы к Пасхе, выбеленные печи. Но в одной, самой старой и убогой, окна были темны, - видно, там даже на огонь не хватало. И стало гоцу скучно, - ведь в такой же он сам вырос, - и с недобрим сердцем вошел он в церковь. Почуяло его сердце, что не даст ему земля покоя даже и в Христову полночь, - так оно, по божьему хотенью, и случилось. В церкви былолюдно, у всех в руках свечи, на всех лицах радость. Стал гоц, где потемнее, - выше всех был он ростом, - сотворил усердную молитву, оглянулся и видит: стоит рядом с ним ребенок, заморенный, в лохмотьях, держит руку матери, бледной и бедно одетой, а хорошей и с большими глазами. Гоц наклонился и спросил тихонько: "Женщина, кто ты такая, отчего ты бледна, равнодушна?" Женщина робко взглянула на гоца и, склонивши глаза, промолчала. И в другой раз спросил он, еще тише: "Не твоя ли это хата у балки, не в твоей ли это хате темно в окнах?" Но опять ничего не ответила матка, только поспешно отвернулась и закрестилась на иконы. И перестал гоц слушать, что пели и читали па амвоне. "Побей меня крест и божья мать! - подумал он с тоскою. - Крепкий дал я себе зарок никого в эту ночь не обидеть, да не терпит мое человеческое сердце!" И, не кончив молитвы, скорым шагом вышел вон из церкви. Далеко за балкой, за прудами, насквозь, фонарем, светился богатый дом в поместье. Как хозяин поднялся гоц на крыльцо того дома, разогнал собак плетью и как хозяин вступил в светлые господские покои, а что было дальше, ты и сам можешь догадаться.